

Всеволод Сергеевич Соловьев

Приключение петиметра (Проза)

Всеволод Соловьев так и остался в тени своих более знаменитых отца (историка С. М. Соловьева) и младшего брата (философа и поэта Владимира Соловьева). Но скромное место исторического беллетриста в истории русской литературы за ним, безусловно, сохранится.

Помимо исторических романов представляют интерес воспоминания

Содержание

I.....	.0004
II.....	.0010
III.....	.0015
IV.....	.0020

Вс. С. СОЛОВЬЕВЪ
ПРИКЛЮЧЕНІЕ ПЕТИМЕТРА
(Старая быль)

Сто лѣтъ тому назадъ, вечеромъ, наканунѣ новаго 1789 года, въ Москвѣ, по улицѣ Маросейкѣ, медленно подвигалась какая-то неопредѣленная громадная фигура. Небо заволклося облаками, порошилъ снѣжокъ, разставленные на дальнемъ другъ отъ друга разстояніи закоптѣлые фонари едва-едва кое-какъ освѣщали пространство въ нѣсколько аршинъ, — и темень на улицѣ стояла почти полная. Благодаря этой темени, медленно подвигавшаяся фигура казалась какимъ-то огромнымъ, неуклюжимъ звѣремъ и прохожіе, замѣтивъ ее въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя поддавались внезапному, невольному страху, отскакивали и перебѣгали на другую сторону улицы. Женщины даже громко и продолжительно визжали, несмотря ни на какія увѣренія своихъ спутниковъ, что это вовсе не «ведмѣдь», а всего-на-всего «ряженный».

Конечно, это былъ не «ведмѣдь», не то же и не «ряженный», — а просто извѣстный московскій купецъ Иванъ Парамоновичъ

Жемчуговъ, закутанный въ медвѣжью шубу и съ нахлобученной на самыя брови высочайшей собольей шапкой. Въ такомъ нарядѣ, при своемъ значительномъ ростѣ и дородствѣ, Иванъ Парамоновичъ даже и среди болѣе яркаго освѣщенія могъ показаться страшнымъ звѣремъ.

Иванъ Парамоновичъ возвращался отъ пріятели и земляка къ себѣ, въ свой домъ на Маросейкѣ. Онъ засидѣлся въ гостяхъ, по праздничному времени изрядно выпилъ, и теперь былъ въ довольно исключительномъ состояніи. Пилъ онъ вообще очень мало, ибо почиталъ это грѣхомъ, и вино, съ непривычки, сильно на него дѣйствовало. А у земляка въ этотъ вечеръ вино было, какъ нарочно, какое-то особое, привозное, на вкусъ отмѣнное, но предательское. Пьешь его какъ квасъ, — а вотъ вышелъ на морозецъ — и совсѣмъ одурманило. Ну, да теперь до дому рукой подать: пройти вотъ проулокъ, а тамъ шестой домъ — и въ ворота.

Но только что онъ собирался, пошатываясь и почему-то очень высоко поднимая ноги, хотя снѣгу вовсе было не такъ ужъ много, пе-

ребратъся черезъ проулокъ, какъ едва не попалъ подъ наскакавшую на него тройку: закутанный съ ушами въ свою медвѣжьё шубу, онъ не слыхалъ ни бубенцевъ, ни окрика кучера. Кучерь едва успѣлъ осадить лошадей. Тройка на мгновенье остановилась. При свѣтѣ большихъ яркихъ фонарей, придѣланныхъ къ широкимъ санямъ, Иванъ Парамоновичъ разглядѣлъ богатую тигровую полость и веселыя молодыя лица расфранченныхъ мужчинъ и дамъ. При взглядѣ на него, эти франты и франтихи залились громкимъ смѣхомъ — и тройка, со звономъ и гикомъ, помчалась дальше.

Иванъ Парамоновичъ остался какъ вкопанный, потомъ громко отплюнулся. Прошло съ минуту времени, онъ все еще стоялъ на мѣстѣ, пошатываясь изъ стороны въ сторону и разсуждая самъ съ собою.

— Ишь, вѣдь, окаянныя, прости Господи! — бурчалъ онъ нетвердымъ языкомъ и проглатывая окончанія словъ. — Наѣхали на челоуѣка, а сами гогочуть, надъ нимъ же издѣваются!.. Да и совсѣмъ-бы раздавили, такъ глазомъ-бы не моргнули!.. Имъ что: ни Бо-

га въ нихъ, ни стыда нѣтъ!.. И народъ же нынѣ сталъ: что ни годъ, то хуже.... обличіе человѣческое совсѣмъ потеряли... Бары, вишь ты, русскіе бары! Какое тамъ: бывали у насъ бары, да перевелися, а это что: лопочуть себѣ по басурманскому, рядятся на подобіе чучель нѣмецкихъ... Выйдешь въ праздникъ, послѣ обѣдни, на улицу... тѣфу ты, мерзость какая!.. Содомъ-Гоморра... Вавилонское столпотвореніе!..

Иванъ Парамоновичъ плюнулъ разъ, плюнулъ два, пошатнулся и, все не трогаясь съ мѣста, продолжалъ:

— Содомъ-Гоморра и есть!.. Стеклянная конура на колесахъ... вся золоченая, размалеванная... лошади цугомъ... заморскія, разношерстныя... на козлахъ дьяволы... въ красной сатанинской одеждѣ... съ бѣлыми головами и хвостами на затылкѣ... А въ стеклянной конурѣ барыня... на головѣ башня... на самой и не вѣсть чего путано-перепутано... И подходитъ къ ней чудовище... петиметромъ прозывается... а по истинѣ, какой тамъ петиметръ — дьяволъ — вотъ какъ его назвать надо!.. Ноги у того дьявола какъ жерди, въ чул-

какъ бабьихъ да башмакахъ, кафтанъ куцый, шелками да золотомъ расшитый, поверхъ кафтана «винчура», что-ль, а попросту — одѣяло... въ рукахъ муфта длинная... «манька»... Шаркаетъ, шаркаетъ, пострѣль, кланяется, ручку цѣлуетъ... лопочеть слова птичьи, срамныя... а она ему: хи-хи-хи, ха-ха-ха!.. Ахъ ты пропасть!.. Опять то же по лавкамъ, въ Гостиномъ у насъ, эти барыни день-деньской толкутся на соблазнъ добрымъ людямъ... А за ними дьяволы-петиметры! Будто товары смотрять, прицѣниваются... а какое тутъ товары — мерзость одна, амурничанье, непотребство... И доколѣ это Господь терпѣть будетъ, доколѣ петиметры окаянные водиться не престанутъ!.. Охъ, чешутся на нихъ руки, чешутся.

Иванъ Парамоновичъ показалъ выразительнымъ жестомъ, какъ у него чешутся руки, и далъ такой подзатыльникъ существовавшему въ его воображеніи петиметру, что самъ потерялъ равновѣсіе и растянулся на снѣгу. Не мало времени барахтался онъ въ своей медвѣжьей шубѣ, наконецъ, поднялся и хриплымъ голосомъ завопилъ на всю улицу:

— Ахъ ты, петиметръ проклятый! Ну, ужъ этого я тебѣ не спущу... ужъ теперь ты отъ меня не отвертишься!

Предательское привозное вино земляка окончательно затуманило ему голову. Ему вдругъ рѣшительно и ясно представилось, что передъ нимъ былъ живой, настоящей петиметръ и что этотъ петиметръ повалилъ его въ снѣгъ, а затѣмъ убѣжалъ.

И почтенный ненавистникъ иноземныхъ модъ и обычаевъ, подобравъ полы шубы, со всѣхъ ногъ кинулся въ погоню за петиметромъ.

Теперь улица была пустынна, и Иванъ Парамоновичъ безпрепятственно достигъ ворота своего дома. Онъ созналъ, что это его ворота, но хотѣлъ стремиться дальше за врагомъ, когда вдругъ, лицомъ къ лицу, съ кѣмъ-то столкнулся. При слабомъ свѣтѣ фонаря, повѣшеннаго на воротахъ, онъ увидѣлъ, что врагъ передъ нимъ. Да, это онъ, петиметръ, въ чулкахъ и башмакахъ, въ длинномъ плащѣ на мѣху, въ бѣломъ парикѣ съ косицей. Мигъ — и одной рукою онъ охватилъ петиметра, а другой сталъ отчаянно колотить въ калитку воротъ.

Петиметръ попробовалъ освободиться отъ столь нежданнаго объятія; но тотчасъ же убѣдился, что это совсѣмъ невозможно. Среди московскаго купечества ходили самые невѣроятные рассказы о силѣ мышцъ купца Жемчугова — и въ этихъ рассказахъ почти все оказывалось правдой. Жемчуговъ нажилъ себѣ громадное богатство на желѣзѣ, да и руки у него были желѣзныя.

При первомъ движеніи петиметра, онъ та-

къ его стиснуль, что у того даже дыханіе сперлось.

Тогда петиметръ закричалъ не своимъ голосомъ:

— Разбой!.. Душатъ!..

На это Иванъ Парамоновичъ стиснуль его еще сильнѣе и пробурчалъ:

— Пикни, аспидъ, — и тутъ же изъ тебя духъ вонъ!

Въ глазахъ у петиметра заходили зеленые круги, все опьяненіе Ивана Парамоновича какъ бы сообщилось ему, и онъ потерялъ сознание дѣйствительности, пересталъ изображать и думать.

Между тѣмъ, на стукъ хозяина, потрясавшаго деревянныя ворота, и на его хриплые крики: «Отпирайте, олухи!» — два заспанныя и тоже изрядно выпившихъ сторожа отворили калитку. Иванъ Парамоновичъ, влача за собою ошеломленнаго петиметра, очутился сначала во дворѣ, затѣмъ въ сѣняхъ и, наконецъ, въ просторной горницѣ, освѣщенной лампадой у большого кіота съ образами и заплывшей свѣчкой на столѣ.

Иванъ Парамоновичъ, не выпуская пети-

метра изъ рукъ, сбросилъ съ себя шапку и шубу, подтащилъ своего безгласнаго плѣнника къ столу со свѣчкой и нѣсколько менѣе страшнымъ, но неимовѣрно строгимъ голосомъ произнесъ:

— Покажись.

И при этомъ онъ дважды повернулъ передъ собою и со всѣхъ сторонъ оглядѣлъ петиметра.

Петиметръ, при этомъ осмотрѣ, оказался настоящимъ, несомнѣннымъ петиметромъ.

Это былъ стройный и красивый молодой человекъ, лѣтъ этакъ двадцати-пяти или восьми. Онъ былъ одѣтъ богато и по самой послѣдней модѣ, даже парикъ его былъ сдѣланъ не изъ волосъ, а изъ тончайшихъ бѣлыхъ нитокъ, такъ что не требовалъ ни помады, ни обсыпанія его пудрой. Бѣлыя и нѣжныя, почти женскія руки молодого человека сверкали дорогими перстнями.

— Тьфу! — съ омерзѣніемъ отплюнулся Иванъ Парамоновичъ. Особенно возмутили его петиметровы руки.

Между тѣмъ, петиметръ началъ медленно приходитъ въ себя. Его побледнѣвшія щеки

вспыхнули румянцемъ, онъ собралъ всѣ силы и рванулся отъ своего мучителя.

— Цыцъ! — крикнулъ Иванъ Парамоновичъ и, будто двѣ десятипудовыя гири, опустились желѣзныя руки на плечи петиметра, пригибая его къ полу.

Тогда онъ снова притихъ. Понять и сообразить что-либо ясно онъ все же не могъ; но онъ видѣлъ себя во власти или сумасшедшаго, или пьянаго человѣка, обладавшаго громадной силой. Человѣкъ этотъ, при новомъ сопротивленіи, не задумается убить его или, во всякомъ случаѣ, избьетъ до полусмерти. Значить, надо терпѣливо и безропотно ждать... Чего? Гдѣ онъ? Кто этотъ звѣрь съ краснымъ лицомъ, страшными глазами и всклокоченной сѣдой бородой?.. Положеніе неслыханное, невозможное!.. Но надо ждать.

Въ этомъ рѣшеніи петиметръ какъ бы застылъ и бессмысленно глядѣлъ своими почти остановившимися, красивыми глазами на Ивана Парамоновича.

А Иванъ Парамоновичъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ охватившей его теплоты горницы, впадалъ въ новую степень опьяненія. Его

бѣшенство стихло и уступило мѣсто раздумью. Онъ начиналъ чувствовать во всемъ тѣлѣ какую-то истому, голова тяжелѣла... онъ громко зѣвнулъ.

— Ну, и что жъ я съ тобой сдѣлаю за твою предерзость? — вдругъ спросилъ онъ коснѣющимъ языкомъ. — Взять тебя за твои жерди, да головой объ печку? Это можно... только нѣтъ, теперича поздно... давно спать пора... а вотъ мы завтра разсудимъ тебя какъ слѣдъ... за твою предерзость... А пока, петиметръ ты окаянный, посиди у меня до утра въ темномъ чуланѣ...

Проговоривъ это, Иванъ Парамоновичъ подвелъ петиметра къ маленькой дверцѣ, находившейся въ глубинѣ горницы, втолкнулъ его въ чуланъ, заперъ за нимъ дверцу на ключъ, ключъ положилъ себѣ въ карманъ, затушилъ свѣчку и, шатаясь, пошелъ къ себѣ въ спальню.

Когда Иванъ Парамоновичъ проснулся, уже звонили къ обѣднѣ и праздничный гулъ стоялъ въ чистомъ, морозномъ воздухѣ. Утро новаго года было ясно, солнце такъ и горѣло, искрясь и сверкая на разрисованныхъ морозомъ стеклахъ оконъ. Иванъ Парамоновичъ приподнялъ голову съ пуховыхъ подушекъ своей громадной, будто даже и не для людей сдѣланной кровати, занимавшей чуть-что не полкомнаты, дико оглядѣлся и остановилъ взглядъ на стѣнныхъ часахъ, стрѣлки которыхъ показывали пять минутъ десятаго.

«Ахти мнѣ — вотъ заспался!.. Грѣхъ-то какой!» — прошепталъ онъ, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.

Голова его была тяжела, во рту чувствовалась горечь и сухость. Онъ свѣсилъ ноги съ перины и сталъ припоминать, сначала смутно, а потомъ все яснѣй и яснѣй, обстоятельства и подробности вчерашняго вечера. Наконецъ, онъ вспомнилъ все — и ударилъ себя рукой по лбу.

«Что жъ это я, безпутный, надѣлалъ?!»

Петиметръ... вѣдь, это не въ сонномъ видѣнїи — наяву было... съ пьяныхъ глазъ я того петиметра сцапаль, въ домъ приводовъ и въ чуланъ заперъ... Вѣдь, онъ, поди, и по сіе время тамъ... можетъ, со страху Богу душу отдалъ. И кто онъ таковъ?.. Теперь въ отвѣтъ буду... засудятъ... въ Сибирь... на каторгу... Господи, непусти!.. А можетъ, все сіе мнѣ только померещилось?..»

Съ этой слабой надеждой захватилъ онъ свою одежду и отыскалъ въ карманѣ ключъ. Сомнѣній не оставалось — петиметръ въ чуланѣ.

Наскоро одѣвшись, Иванъ Парамоновичъ вышелъ изъ спальни, быстро соображая планъ дѣйствій. Но не успѣлъ онъ принять какого-либо рѣшенія, какъ столкнулся съ Ефимычемъ, мозглявымъ старикашкой, самымъ своимъ довѣреннымъ приказчикомъ, жившимъ у него въ домѣ. Надо сказать, что Иванъ Парамоновичъ вотъ ужъ лѣтъ десять какъ вдовѣлъ и была у него единственная дочь, хорошенькая Маша. Послѣ смерти жены онъ взялъ къ себѣ въ домъ свою сестру, старую дѣвицу, весьма разумную и во всякомъ

дѣль искусную. На рукахъ этой старушки выросла и воспиталась Маша. Тетка приучила дѣвочку ко всевозможнымъ рукодѣльямъ, соленьямъ и вареньямъ, обучила ее грамотѣ и письму, а когда, около года тому назадъ, Машѣ минулъ шестнадцатый годъ, старушка, будто исполнивъ задачу своей жизни, взяла да и померла. Съ тѣхъ поръ всѣ ея обязанности по дому раздѣлили между собою Ефимычъ и Маша. Маша отличалась не одной красотой, но и разумностью, и добрыми, нравомъ. Отца она любила; только всегда робѣла передъ нимъ и не могла слышать его криковъ; когда же онъ, въ рѣдкихъ случаяхъ, возвращался домой нетрезвый, она тряслась со страху и пряталась отъ него куда попало, пока онъ не проспится. Держалъ онъ ее въ большой строгости, рѣдко выпускалъ изъ дому, всячески оберегалъ отъ разныхъ петиметровъ и амурниковъ. Жизнь была Машѣ не больно веселая — иной разъ, съ тоски да скуки, по часамъ она слезами заливалась. Знала она, какъ и всѣ въ Москвѣ знали, про богатство отцовское, да что проку слыть милліонщицей, когда приходится жить въ скучномъ, всегда

запертомъ домѣ, вдали отъ всего, что радуеть и веселить дѣвичье сердце...

Ну, такъ вотъ, столкнулся Иванъ Парамоновичъ съ Ефимычемъ и сразу увидѣлъ, что на Ефимычѣ лица нѣту.

— Еще что? — растерянно произнесъ Планъ Парамоновичъ.

— Да ужъ и не знаю, батюшка, какъ сказать твоей милости... такое дѣло... — запинаясь и трясясь началъ Ефимычъ.

— Что? что? Говори!..

— Марья-то Ивановна, нѣтъ ее... весь вечеръ дома была, ворота на запорѣ... сторожа... никакъ не могла выйти... нынче вотъ съ утра и нѣтъ ее... какъ иголка пропала... И постели не примята... не повѣрилъ Малашкѣ — самъ ходилъ смотрѣть... не примята постеля, не ложилась Марья Ивановна...

— Что ты?! что ты!.. Врете вы всѣ... Какъ такое быть можетъ! Куда ей пропасть? — гаркнулъ Иванъ Парамоновичъ, даже хорошенько и не понимая, а вѣрнѣе — стараясь не понимать того, что ему возвѣстилъ Ефимычъ.

Дочь убѣжала изъ дому! Съ такимъ горемъ, съ такимъ срамомъ онъ бы и не справил-

ся. Но быть того не можетъ, не должно быть — и нѣтъ. Врутъ... пустое... дочь... А тамъ петиметръ запертъ! Блѣдный, на себя не похожій, совсѣмъ ошеломленный, кинулся Иванъ Парамоновичъ во вчерашнюю горницу, подбѣжалъ къ дверцѣ чулана, дрожавшей рукой вложилъ ключъ, отворилъ дверцу, заглянулъ въ чуланъ — и отступилъ, но въря глазамъ своимъ.

Изъ чулана вышли: сначала нарядный петиметръ въ бѣломъ парикѣ съ косицей, а за нимъ — а за нимъ... Маша.

IV

Маша закрыла лицо руками и во мгновение ока, выбѣжала изъ горницы. Что же касается петиметра, онъ остановился передъ Иваномъ Парамоновичемъ и, повидимому, бѣжать вовсе не собирался. Со вчерашняго вечера въ немъ произошла значительная перемѣна: въ лицѣ его и позѣ не замѣчалось никакого страха и смущенія. Онъ горделиво поднялъ голову и строго глядѣлъ на пораженного, окаменѣвшаго Ивана Парамоновича.

— Почтеннѣйшій, ты былъ вчера пьянъ! — сказалъ петиметръ свысока, пренебрежительнымъ тономъ и растягивая слова.

Этотъ тонъ, эта манера растягивать слова были уже знакомы Ивану Парамоновичу: такъ говорили воѣ петиметры, и вотъ этотъ-то ихъ говоръ всегда особенно раздражалъ его и заставлялъ отплевываться. Но теперь онъ оставался недвижимымъ истуканомъ. Петиметръ продолжалъ:

— Да, ты былъ пьянъ, какъ послѣдній мужикъ и, пользуясь своей силой, совершилъ такой поступокъ, за который самое меньшее

наказаніе — ссылка въ Сибирь... Одно мое слово — и ты будешь въ Сибири... Завѣряю тебя, что я сказалъ бы это слово, если бы въ чуланѣ, куда ты меня втолкнулъ и гдѣ заперъ, не оказалось твоей дочки. Но она оказалась тамъ, ибо, напугавшись твоихъ стуковъ и криковъ, спряталась, слыша твое приближеніе. Съ ней я не скучно проводъ время. Ночью было темно, но утромъ въ чуланъ, сквозь щель двери, проникало достаточно свѣту, и мы могли разглядѣть другъ друга. Твоя дочка весьма пріятная и миловидная дѣвица, я обѣщаль ей не поднимать этого дѣла... А за симъ прощай, да смотри, не напивайся, ибо иной разъ и Маша не поможетъ!..

Петиметръ еще горделивѣе закинулъ голову и, ловко набросивъ на себя бывшій у него въ рукахъ мѣховой плащъ, собирался выйти изъ горницы. Но тутъ Иванъ Парамоновичъ очнулся и загородилъ ему дорогу.

— Какъ, ты за вчерашнее?.. Трезвый и среди бѣла дня?.. Берегись! — воскликнулъ петиметръ, рѣшительно не страшась извѣданной имъ силы Ивана Парамоновича.

Но тотъ вовсе не желаль прибѣгать къ сво-

ей силѣ. Онѣ заговорилѣ такимѣ умоляющимѣ голосомѣ, какого никто отѣ него отродясь и не слыхивалѣ:

— Батюшка, да развѣ я что!.. Сдѣлай ты мнѣ божескую милость: присядь на минуту... дай потолковать...

— О чемѣ мнѣ еще толковать съ тобой?..
Пусти!

Но Иванѣ Парамоновичѣ пустить не могѣ.

— Сдѣлай ты мнѣ божескую милость... на самую малую минуту! — убѣдительно повторялѣ онѣ, и въ то же время глаза его ясно говорили, что онѣ петиметра, хоть тамѣ что, а такѣ не выпуститѣ.

И петиметрѣ это понялѣ. Онѣ вдругѣ усмѣхнулся, сбросилѣ на кресло плащѣ и самѣ присѣлъ на то же кресло.

— Ну, о чемѣ же ты еще со мной толковать желаешь?

Иванѣ Парамоновичѣ приперѣ двери, потомѣ сѣлъ насупротивѣ петиметра и проговорилѣ:

— Перво-на-перво дозволю, сударь, спросить тебя: кто таковѣ будешь?

— А зачѣмѣ тебѣ это?

— Какъ зачѣмъ! дѣло не шутка... Господь по грѣхамъ наказуетъ... поправлять надо... Кто жъ ты таковъ, сударь?

— Я — князь Волынцевъ, — наконецъ, проговорилъ петиметръ.

«Князь!.. ну, плохо мое дѣло!» мелькнуло въ головѣ Ивана Парамоновича, но черезъ мгновеніе лицо его прояснилось. Онъ опустилъ глаза, будто боясь выдать ими свои соображенія, и спросилъ:

— Покойникъ князь Митрій Сергѣевичъ сродни будетъ вашей княжеской милости?

— Я сынъ его... Ну, что же дальше?

Иванъ Парамоновичъ внезапно рѣшился.

— Дальше-то что?!. Чего тутъ по-пусту слова да время терять... Ваше сіятельство, вступи ты въ законный бракъ съ дочерью моею, Марьей.

Петиметръ даже вскочилъ со стула.

— Что это ты, почтеннѣйшій, или еще не вытрезвился? — воскликнулъ онъ. — Ты знаешь, кто я, а я знаю теперь, изъ разговора съ твоею дочкой, кто ты... Мы съ ней не пара...

Иванъ Парамоновичъ понурился и съ глухокимъ вздохомъ выговорилъ:

— Вѣстимо, не пара... да, видно, такъ Господу угодно... противъ Его святой воли не пойдешь, ничего не подѣлаешь... Мой грѣхъ, мой грѣхъ... Такъ ты вотъ и женись на Марѣ, ваше сіятельство... что ужъ тутъ!.. Никакъ невозможно этакой срамъ оставить... вѣдь, весь домъ, чай, знаетъ, не утаишь такого дѣла. Одно слово, срамъ и позоръ... Такъ ужъ ты женись, ваше сіятельство!

— Да я-то въ чемъ тутъ виновать! Напился пьянъ, учинилъ дебошъ и дерзость великую, заперъ меня въ темный чуланъ съ дочкой... Въ Сибирь ты долженъ идти... Я тебѣ прощаю... Такъ мало тебѣ и этого? Ты еще и подѣвѣнецъ меня тащить хочешь... силою что ль, по вчерашнему?

— Зачѣмъ силою? — очевидно рѣшивъ внутри себя всѣ сомнѣнія и уже совсѣмъ спокойнымъ голосомъ сказалъ Иванъ Парамоновичъ:— зачѣмъ силою?.. А ты вотъ что разсуди, ваше сіятельство: ты князь, а я купецъ, сынъ купецкій, — и все жъ таки намъ съ тобою породниться, при такомъ Божіемъ попущеніи, очень возможно. Покойный твой батюшка, царствіе ему небесное, — вѣдь знаваль я

его, — отъ родителей изрядное получилъ наслѣдство: и вотчинъ не мало, и палаты на Басманной улицѣ богатѣющія... А что онъ твоей княжеской милости оставилъ? — Немного, вѣдь... да и то немногое — гдѣ оно? Вѣдь, палаты то твои княжескія нынѣ, либо завтра продашь, съ долгами не раздѣлаешься, а самъ голъ какъ соколъ останешься... Какой же ты тогда, прости Господи, петиметръ будешь? Невѣсту богатую изъ дворянскаго рода искать станешь? Такъ, вѣдь, найдешь, либо нѣтъ... А тутъ тебѣ невѣста готова, моя Марья. Хоть купеческая дочь, да и передъ княгиней-графиней въ грязь лицомъ не ударитъ. Вѣдь, пойми, ваша милость, единственная она у меня дщерь, единственная наслѣдница, а достатки мои ты считалъ?

Петиметръ небрежно позвякивалъ своей золотой часовой цѣпочкой и загадочно глядѣлъ на Ивана Парамоновича.

— Не считалъ ты моихъ достатковъ! — горячо воскликнулъ старикъ:— да и самъ я имъ, поди, счетъ терять начинаю... Да и считать нечего! За Марьей выдамъ я тебѣ вѣрнымъ дѣломъ четыре милліона, а тамъ, какъ отзо-

ветъ меня Господь, все вамъ же останется... Только чуръ, жалѣть да любить Марью, безречь ее, она дѣвка добрая, ласковая и разумная... Изъ себя, самъ знаешь, Богъ красотою не обидѣлъ, вальяжная княгиня будетъ, особливо при такихъ моихъ купецкихъ капиталахъ...

Иванъ Парамоновичъ замолчалъ и началъ пристально глядѣть на петиметра. Прошла минута, прошла другая. Въ комнатѣ царило глубокое молчаніе. Наконецъ, петиметръ тряхнулъ головою и улыбнулся.

— Намъ съ тобою, почтеннѣйшій, безъ дочки твоей этого дѣла никакъ рѣшить нельзя!.. — сказалъ онъ. — Попроси ее сюда... Быть можетъ, я ей не по нраву.

Иванъ Парамоновичъ подошелъ къ двери и своимъ громовымъ голосомъ крикнулъ: «Марья!» Черезъ минуту, робко и стыдливо, вспыхивая румянцемъ, на порогъ горницы появилась Маша. Петиметръ глядѣлъ на нее и думалъ: «экая прелесть какая... Видно судьба... съ милліонами какой еще княгиней будетъ!.. Отъ Мещерскихъ madame Турнэ отходить, возьму ее, уѣдемъ на годъ отсюда... жи-

во она мою княгиню французскому языку и манерамъ научить»...

— Марья! — строгимъ голосомъ возразилъ Иванъ Парамоновичъ:— вотъ пети... то есть князь тебя сватаетъ...

Иванъ Парамоновичъ вышелъ изъ горницы, а петиметръ подошелъ къ Машѣ. Она робко подняла на него глаза.

— Неужели? — едва слышно прошептали ея губы.

— Машенька, поцѣлуй же... Теперь, хоть мы и не въ темномъ чуланѣ на запорѣ, а цѣловаться можемъ невозбранно.

Говоря это, петиметръ крѣпко обнялъ Машу, а она не сопротивлялась. Такъ, обнявшись, и засталъ ихъ Иванъ Парамоновичъ, вернувшійся съ иконой. Но онъ сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣтилъ и благословилъ нареченныхъ...

По дому поднялось движеніе. Ставили самоваръ, готовили закуски. Молодые люди сидѣли рядышкомъ на диванѣ. Иванъ Парамоновичъ уходилъ, распоряжался, потомъ опять приходилъ, искоса поглядывалъ на князя и думалъ: «а все же ты петиметръ, и ка-

бы не лукавый попуталъ меня, кабы не вино проклятое, не видать бы тебѣ, какъ ушей своихъ, мою Марью съ моими милліонами... Не для тебя добывалъ я ихъ, петиметръ-амурщикъ!.. Да ничего не подѣлаешь!».

1917